

— ...Вы знаете, я вам сейчас скажу откровенно. Если вы не верующий, то не поверите, конечно. Меня все время беспокоила мысль, как найти нам сестру, где она похоронена. И однажды я увидела во сне свою бывшую подругу Денисову Пелагею. Она фронтовичка, потом приняла монашество. И вот вижу: проходит она до нашего дома, бывшего на Кубанском проезде, достает из кармана зерно и посыпает там, где потом повесили мемориальную доску...

Сон Лидии Дмитриевны Казаковой, в девичестве Вавиловой, стал явью. В 1995 году, в канун 50-летия Победы, Кубанский проезд был переименован в улицу Клавдии Вавиловой — ее старшей сестры, без вести пропавшей в сражениях под Москвой. А в мае 1996-го и на их бывшем доме появилась мемориальная доска: «В этом доме проживала участница ВОВ военфельдшер Вавилова Клавдия Дмитриевна. Погибла на фронте в феврале 1942 года».

Зерно, уже после смерти посеянное обладавшей при жизни редким пророческим даром монахиней Серафимой (Денисовой), не пропало. Проросло стараниями сестер Клады и активисток женсовета Центрального района.

Многие, особенно верующие, знают: улица Вавиловой ведет прямо к Богородично-Казанскому храму. Дом Вавиловых, перенесенный еще из старого Ставрополя, — третий от церкви...

СЕСТРИЧКА ВАВИЛОВА

— В одном из писем Клава писала, что Новый, 1942 год они встречали под Боровском, в лесу под настоящими елками, — рассказывает Лидия Дмитриевна. — Писала, что освобождают новые деревни и села, в которых немцы оставляли после себя только русские печи. Вскоре в одной из центральных газет был снимок: жители Боровска Московской области, освобожденные частями Советской Армии, получают подарки от жителей города Москвы. Писала также, что чуть не попала в плен к немцам. Переписка продолжалась до марта 1942 года. С тех пор все наши письма на командира части возвращались обратно — «за выбитием воинской части»...

В письме из Главного военно-медицинского управления, полученном сестрами еще в 1957 году, брезжила хоть какая-то надежда: «числится пропавшей без вести». И стандартная формулировка кадровиков: «Исключена из списков личного состава Советской Армии приказом Главного управления кадров Министерства обороны N 0428 от 29 апреля 1948 года». Уже в начале 90-х Надежда Дмитриевна ездила в Москву, чтобы «пролистать» электронную Книгу памяти. Там-то и записано: «...погибла в феврале 1942 года». Последний запрос они сделали в Центральный архив Министерства обороны. Через год, когда подошла очередь, им сообщили, что в архиве нет документов 910-го артиллерийского полка, в котором воевала фельдшер Клавдия Вавилова. А значит, предполагает сестра, часть погибла вся — ведь она была на самой передовой.

— Мы все думали: а вдруг сестра явится, найдется. До последнего. А однажды в санатории я встретила с женщиной, которая проживала приблизительно в тех местах, где проходили бои. Она рассказывала мне страшные вещи. О том, как всех пленных немцы собрали в сарае и сожгли. И говорит: «Не ищите». Но я все-таки верила...

К то-то, перебирая семейные фотографии, отдыхает душой. Редко, но случалось в этом столетии, что беда обошла стороной всех родных-близких. Только не большую, дружную семью Вавиловых. Шестеро их было у Дмитрия Семеновича и Александры Михайловны.

На старой фотографии отец — brave офицер. Отвоевал первую мировую и гражданскую. За красных,

за кого же еще воевать крестьянскому сыну? Демобилизовался в 1919-м, хотя была возможность сделать карьеру в Красной Армии. Не нужна ему была та карьера — тянуло к земле, к пахоте. Новая власть соблазнила свободой и землей, как когда-то деда Семена раскрепостил царский манифест. С тех-то пор Вавиловы и обосновались в Самарской губернии: в деревне Низовке в километре от Елховки. Труженики были испокон века. Но одна крепость сменила другую.

— Отец из армии вернулся — сразу в работу. Разбогатеть не успел, а тут коллективизация, раскулачивание. И его забрали. Мы читали документы: знаете, настолько дикие обвинения, сплошная ложь. Отправили его куда-то на Дальний Восток, и увидели мы его только в 1933-м. Вернулся — не узнать. Сломленный. До конца жизни не мог простить...

Свидетельство о реабилитации отца выписали лишь в 1989-м: «...Постановлением тройки при ПП ОГПУ от 1 апреля 1930 года осужден по статье 58-10, 11 УК РСФСР... Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х годов и начала 50-х годов» постановление тройки... отменено и по данному делу он реабилитирован».

Как говорят советские «летописцы», попал Дмитрий Вавилов под «перегиб». Наряду с миллионными других пахарей. И пока одни испытывали «головокружение от успехов», другие — от голода и лишений. Вавиловым они достались с лихвой.

— Папа пришел больной. И документы имел такие, что его нигде не брали на работу — только на сезонные. И из дома выслали. Начались мятарства. Скитались с одной квартиры на другую. Потом все лето родители пасли стадо, скопили немножечко, да еще сноха дала несколько бревен — сделали домик, 10 квадратных метров. Но поверите: жили в нем всей семьей...

К лавдия родилась весной 1922-го. Когда забрали отца, ей было 8 лет. Детство кончилось. «Пошла в няньки, хоть на кусок хлеба заработать», — вспоминает сестра. И в школу поступила переростком, сразу в четвертый класс. Уже в Ставрополе.

— Помню, просит Клава купить

ленточку заплести косички, а маме ей: «Подожди, вот каникулы у тебя будут, пойдем со мной в заготзерно, подработаем — тогда и купишь»...

После седьмого класса была в ее биографии двухгодичная школа медсестер. Тоже не от хорошей жизни пошла: стипендия — хоть какое-то подспорье. Здесь была старостой и отличницей (диплом с отличием, полученный ею в конце июня 1941-го, вместе с фронтовыми письмами передан сестрами в музей средней школы N 1, где училась Вавилова). Из всех сил тянулась и подтягивала других. Многие тогда удивлялись, как она все успевает. Помнят ее очень надежной, безотказной, спокойной и уравновешенной, несмотря на бедность, ни разу не позволившей себе пожаловаться на жизнь. И вовсе не чуждой нечастых ставропольских радостей. Вместе ходили в курзал на концерты приезжих артистов. Вместе бегали купаться на Подборное озеро, где однажды Клава спасла чью-то девочку. Никто не умел так плавать, так долго держаться под водой, как Вавилова. Не каждый умел так радоваться жизни.

Ее любили и подруги, и преподаватели. И все те, кто стал гордостью тольяттинской медицины: Левицкий, Пономарева, Данилова, Хасанов...

В начале августа 1941-го пришли повестки выпускникам школы медсестер Клаве Вавиловой и Маше Пекарской. Вместе грузились на паром до Ульяновска. Вместе получали солдатское обмундирование и отправлялись на помывку. И потерялись в первый же день. Фронтная медсестра Пекарская попала в «ленточку» — товарняк, увозивший раненых из-под носа наступающих немцев. Клава, судя по полученным сестрами письмам, там же, в Ульяновске, окончила двухмесячные курсы на звание военфельдшера. И сразу оказалась под Москвой. Домой писала каждую неделю. Сообщала, что все хорошо — и питание, и одежда. Просила Лиду передать привет всем девушкам медшколы, врачам и преподавателям. Писала, что мечтает возвратиться с победой домой. На почтовой карточке, выпущенной в жестоком 1941-м, советский танк безжалостно давит немецкий. И типографским шрифтом: «Фронтвой новогодний привет моим родным! Мы, бойцы Красной Армии, решили: Новый, 1942 год будет последним для немецкой габит-армии. Смерть немецким оккупантам!»

Последнее письмо датировано февралем 1942-го. Адрес прежний: полевая почта 143, 910-й артполк. А потом на имя отца пришел расчетный лист к денежному аттестату на 400 рублей, начисленных за месяц на фронте. В войну на эти деньги можно было купить четыре ведра картошки...

Вавиловы пережили то время. Одному Богу известно как. В самом начале войны Дмитрий Степанович переболел крупозным воспалением легких и очень ослаб. К тому же и без того немалая семья выросла: приютили детей погибших на фронте родных. Спасла корова, которую вырастили из теленка, купленного на сбережения с медсестринских стипендий Клады и Лиды, тоже окончившей медшколу. И огород с участком сенокоса, которые им все же выделили.

— Не поверите, ни за что не поверите, как жили...

Почему же не поверю? В нашей удивительной стране народ давно разучился удивляться. И тому, что выжили. И тому, что победители живут стократ хуже побежденных. И тому, как мы относимся к своим мертвым...

По-разному сложилась жизнь фронтовиков. Тех же сестричек, в войну перетаскавших на себе столько солдатских тел, что не на один горб хватит. Разве много носили их на руках после победы? Разве боготворили их — девочек, в летящих под бомбежками санитарных поездах, на ветхих пароходах и на самой что ни на есть передовой до дна испивших горькую чашу войны? Войны с вражеским пленом, голодом, страданиями. И вечными домогательствами собственных командиров и товарищей по оружию...

— Нет, сынок, не женское это дело. Женщине на войне делать нечего. Там поневоле поверишь в Бога, — вздыхала, вспоминая Клавдию, Мария Пекарская, израненная вернувшаяся с войны и до самой пенсии проработавшая медсестрой. И рассказывает, о ком знает. Кто ушел в монашество. Кто умер от ран. Вот три Клады из их «огненного выпуска» — не приведи Господь, как обошлась с ними война. Одна вернулась без обеих ног. Другая попала в плен, выдержала нечеловеческие пытки, чудом спаслась и умерла уже в Ставрополе, на руках у Марии Андреевны. А третья... Где она похоронена, милая?..